

**САНДЛЕР
СЕРГЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**

Независимый исследователь.
Ph.D., Беэр-Шева.

Израиль

E-mail: sergeiys@gmail.com

УДК 1401/9

**М. М. БАХТИН – ФИЛОСОФСКИЙ
РАДИКАЛ**

Аннотация. Статья рассматривает два примера переосмысления азов западной философии у М. М. Бахтина: его философию слова и его пересмотр сути диалектического отрицания. В обоих случаях, Бахтин не довольствуется отрицанием существующих воззрений в самом их корне, а создает свою радикально новую, глубоко продуктивную, альтернативу этим воззрениям, прямо вытекающую из принципов его первой философии.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, философия языка, диалектика, отрицание, высказывание, поступок, смена, диалог.

Sergeiy V. Sandler

Beer-Sheva, Israel

E-mail: sergeiys@gmail.com

**MIKHAIL BAKHTIN –
A PHILOSOPHICAL RADICAL**

Abstract. This paper examines two examples of Mikhail Bakhtin's philosophical radicalism, of his reimagining of the foundations of Western philosophy, namely, his philosophy of language and his reworking of the notion of dialectical negation. In both areas, Bakhtin not only rejects received wisdom at its very root, but also creates his own radically new, and deeply productive, alternative to this received wisdom, which directly follows from the principles of his own first philosophy.

Keywords: M. M. Bakhtin, philosophy of language, dialectics, negation, utterance, deed, succession, dialogue.

DOI: 10.32691/2410-0935-2025-20-94-107

© С. В. Сандлер 2025

М. М. Бахтин, насколько нам известно, был человеком далеким от всякого экстремизма, и по своему темпераменту, и по своим социальным и политическим воззрениям. Но вот как философ он был истинным радикалом, причем в коренном смысле этого слова (от лат. *radix*, «корень»).

В русскоязычной бахтинистике хорошо известно замечание С. С. Аверинцева относительно того, что Бахтин вел «спор с Аристотелем» [Аверинцев 1976]. Аверинцев был прав, причем это его наблюдение глубже и точнее, чем он сам, вероятно, полагал. Бахтин действительно ведет спор с Аристотелем, спор о самых основах западной философии. Более того – и в этом и заключается радикализм его философии – Бахтин не просто в корне отвергает позиции Аристотеля (и многих других); он создает свою альтернативу этим позициям на своих, радикально новых основах.

В этой статье мы остановимся на двух примерах такого созидательного отрицания у Бахтина: его философия языка (точнее, слова) и его переосмысление логики и диалектики, и в особенности сути отрицания. Обе эти альтернативные философские конструкции мы находим в трудах М. М. Бахтина в неполном виде. Они не всегда и не везде выговорены, а часто скорее намечены пунктиром. И все же, контуры их мы можем проследить довольно четко, и соотносить с другими принципами бахтинской философской позиции, из которых они следуют, и на которые они, в свою очередь, бросают обратный свет. На этой основе можно реконструировать и бахтинскую философию слова, и его альтернативу диалектике. Реконструкция эта, в свою очередь, поможет раскрыть полную глубину бахтинского философского радикализма.

Бахтинская философия слова

В истории наших представлений о языке Аристотель сыграл определяющую роль. Метафизика Аристотеля позволяет ему создать первую известную нам систематическую концепцию языка. Мир, по Аристотелю, наполнен формами. Печати этих форм, как в воске, отпечатываются в душе человека [Аристотель 1976–83 1: 421], и этим отпечаткам форм соответствуют слова и выражения в языке [Аристотель 1976–83 2: 93]. Аристотель разделяет такие выражения на категории: субстанции (или сущности), качества, отношения, действия, претерпевания, и т. д. [Аристотель 1976–83 2: 55].

Сочетание выражений в речи может верно отразить сочетание соответствующих форм в мире (т. е., эти формы действительно присущи одной и той же субстанции), и тогда перед нами истинное суждение. Если же это сочетание форм отражается неверно, то тогда перед нами суждение ложное [Аристотель 1976–83 2: 93]. Например, фраза «Трава зеленая» даст нам истинное суждение, потому что в самом мире качество «быть зеленым» присуще субстанции «трава».

Такова концепция языка Аристотеля. Эта концепция у самого Аристотеля – побочный продукт его метафизики и особенно логики. Но все же она оказала решающее влияние на наши представления о языке. «Органон» Аристотеля – самый влиятельный учебник во всей европейской (да и не только европейской) культуре. Вся наша школьная грамматика основана на нем.

Что такое, например, слово как единица? Слово в самом упрощенном понимании – это выражение, соответствующее одной форме. При жизни Аристотеля такую единицу никто еще не определил. Что такое предложение? И такой единицы современники Аристотеля не знали. Предложение – это сочетание слов, которое может создать истинное или ложное суждение.¹ Мы делим нашу речь (и в особенности письменную речь) на слова и предложения под прямым влиянием Аристотеля. Наконец, части речи прямо основаны на Аристотелевских категориях.

Это влияние Аристотелевской концепции языка сегодня почти не осознается. Любой минимально образованный человек с раннего детства учится смотреть на язык через аристотелевскую призму, проходит аристотелианскую индоктринацию (конечно, не в политическом смысле), и поэтому расчленение речи на единицы по Аристотелю нам всем кажется очевидным, естественным, незаметным. Более того, правила литературного языка, в особенности письменного, сформировались под влиянием Аристотелианской концепции языка, сформулированы в ее терминах.

И все же, основанные на Аристотеле представления о языке не многим адекватней своему предмету, чем на нем же основанные представления в сфере астрономии. Научное изучение звукозаписей человеческой речи, которое началось всерьез всего несколько десятилетий назад, уже показало неуместность многих традиционных представлений о языке [Chafe 1980; Szczepiek Reed, Raymond 2013] (хотя в теоретической лингвистике и, более того, в философии языка, старые представления продолжают господствовать, во многом по инерции, за отсутствием достаточно разработанных альтернатив). Эта неадекватность уже ощущалась и несколько раньше, в лингвистике и философии начала двадцатого века. В частности, в философии жизни Г. Зиммеля подчеркивается невыразимость единства жизни в понятиях, т. е., по сути, в формах языка, унаследованных от Аристотеля [Бахтин 1996–2012 1: 480] (примечание Л. А. Гоготишвили).

Именно на этот тезис реагирует Бахтин в самой ранней сохранившейся формулировке его понимания языка, в работе «К философии поступка»:

«Язык исторически выростал в услужении участного мышления и поступка, и абстрактному мышлению он начинает служить лишь в сегодняшний день своей истории. Для выражения поступка изнутри и единственного бытия-события, в котором свершается поступок, нужна вся полнота слова: и его содержательно-смысловая сторона (слово-понятие), и наглядно-выразительная (слово-образ), и эмоционально-волевая (интонация слова) в их единстве» [Бахтин 1996–2012 1: 31].

Эта краткая реплика, если прочесть ее в контексте бахтинской (ранней) философии, уже содержит в зародыше все дальнейшее развитие концепции языка у Бахтина.

Заметим, первым делом, появляющееся здесь понятие *поступка*. Мир поступка – мир, в котором живет и действует сознание. Этот мир дан сознанию, так сказать, от первого лица. Это мой *мир*. И это *реальный* мир. Поступок

¹ Правда, и сам Аристотель признавал, что не всякая речь высказывает суждения [Аристотель 1976–83 2: 95], но не случайно, что современная философия языка настаивает на попытке свести все другие типы предложений именно к логическим сужениям (см., например [Searle 1969]).

у Бахтина онтологически предшествует объективному миру. Объективно одно и то же путешествие из России в Италию, о котором идет речь в стихотворении Пушкина, рассмотренным в ранних трудах Бахтина, показано как два разных поступка: для Пушкина – это отъезд возлюбленной на чужбину; для возлюбленной – возвращение на родину [Бахтин 1996–2012 1: 62–63]. Но хотя поступков много, а объективное описание одно, именно поступкам Бахтин отдает приоритет. Из поступков можно абстрагировать объективное описание, а вот из объективного описания ничье реальное переживание никак не следует.

Метафизическое целое мира – то, что Бахтин называет «бытием-событием» – состоит из совокупности всех таких миров поступка. Эту совокупность невозможно свести к общей для этих миров объективной действительности. Одинаково невозможно поместить ее в кругозор какого-либо одного сознания (личного или коллективного). Но Бахтинский мир поступка не закупорен и не одинок (как, скажем, у Лейбница или Беркли). Стать субъектом, способным на интроспекцию и самосознание, я могу только через посредство других сознаний. Во мне происходит событие бытия. Это событие бытия, эту встречу меня и другого, Бахтин, как известно, рассматривает как отношения между автором и героем (причем другой относится ко мне и как герой к автору и, в ином ракурсе, как автор к герою).

Продолжим анализ приведенной цитаты. Бахтин пишет, что язык «вырастал в услужении [...] поступка». Язык понимается тут не как какая-то внешняя система для описания поступка. В других местах Бахтин прямо говорит, что и слово есть поступок, если оно действительно произнесено. Есть не только «поступок-дело», но и «поступок-слово» [Бахтин 1996–2012 1: 145, 173] (здесь уже намечается то, что Бахтин позже назовет «высказыванием»). Дело не в неадекватности языка жизни, говорит нам, уже в этом раннем труде, Бахтин, а в неадекватности традиционных представлений о языке.

Но Бахтин здесь не только заявляет об этой неадекватности, а уже дает некоторый, пока простой, анализ слова, различает в нем три разных стороны: слово-понятие, слово-образ и интонацию слова. Эти три стороны тесно связаны с бахтинским анализом отношений себя и другого. Слово-понятие – это язык в традиционном, Аристотелевском, понимании.² Оно соответствует объективной, абстрагированной стороне слова, результату его «теоретической транскрипции» [Бахтин 1996–2012 1: 15–16]. Слово-образ – это образ другого, героя, в слове. Наконец, интонация, «эмоционально-волевой тон» несет авторскую оценку.

Именно интонации (в расширенном понимании слова) Бахтин посвящает следующие страницы своего раннего труда. Несколько позже, в «Проблемах творчества Достоевского» (ПТД),³ на место термина «интонация» иногда становится и близкое по звучанию слово «интенция». Главное изменение, происшедшее за это время в философии Бахтина, заключается в том, что герой перестал для него быть просто пластическим образом, а стал сам автором,

² Бахтин здесь называет слово-понятие «содержательно-смысловой» стороной языка. В дальнейшем, и «содержание» и «смысл» получают у Бахтина существенно другие значения.

³ Я не буду касаться здесь трудов по философии языка, опубликованных В. Н. Волошиновым, и не только потому, что в короткой статье я не имею возможности вдаваться в (неразрешимый) вопрос об авторстве этих трудов, но и потому, что и *arche*, и *асме* философии языка круга Бахтина мы найдем в произведениях, бесспорно принадлежащих перу самого М. М. Бахтина.

обладателем своей оценки и интонации (герой Достоевского – «чистый голос» [Бахтин 1996–2012 2: 50]).

В соответствии с этим, во второй части ПТД, Бахтин разрабатывает понятие двуголосого слова, т. е., слова, где оценивающая интонация автора реагирует на оцениваемую интонацию героя [Бахтин 1996–2012 2: 81–96]. Он разрабатывает классификацию типов двуголосого слова. Но интересно, что эту свою классификацию Бахтин, в некотором смысле, подрывает изнутри. Среди типов двуголосого слова активного типа, именно того типа, где голос героя во многом выходит из-под власти интонации автора, Бахтин числит и «реплику диалога» [Бахтин 1996–2012 2: 96], т. е. практически всю живую устную речь. По сути, любое слово – двуголосое слово активного типа, и только в относительном смысле, в ограниченном ракурсе, можно отнести некоторые формы слова к другим типам, в том числе к «прямому, непосредственно направленному на свой предмет слову». Получается, что понимание слова как двуголосого, понимание языка как места встречи разных интонаций, стремится у Бахтина не *дополнить* традиционный лингвистический анализ прямого, указывающего на свой предмет слова, а, в пределе, *заменить* его.

Развитие бахтинской мысли в 1930-е и 1940-е гг. проходит по двум часто пересекающимся линиям. Во-первых, Бахтин ищет в истории литературы такие пространственно-временные формы для создания образа героя, при которых он сохраняет свой голос, свою свободу, при которых герой – не предопределенный автором пластический образ, но при которых он и не бестелесный «чистый голос». С этой линией связана тематика романа воспитания, хронотопа и особенно карнавала [Сандлер 2016]. Во-вторых, уже в ПТД Бахтина интересует не только сочетание интонаций автора и героя, но и, шире, реакция автора на интонации других людей, на слово предшествующих ему (или предвосхищенных им) других авторов. С этой линией связано бахтинское понятие разноречия, а также и тема истории и философии жанров, где диалог авторов с их предшественниками рассматривается как исторический процесс. Эта линия развития бахтинской мысли ведет нас к его трудам 1950-х и начала 1960-х гг., и первым делом к статье «Проблема речевых жанров» (ПРЖ).

ПРЖ, несмотря на свою относительную известность, – один из самых недооцененных, точнее, поверхностно оцененных, трудов М. М. Бахтина. Сравнительно коллегиальный тон Бахтина в этой статье, место, которое он там отводит для лингвистики в традиционном понимании, иногда воспринимается как признак более умеренной бахтинской позиции по вопросам языка, по сравнению, скажем, с работами 1930-х гг. [Lähteenmäki 2003; Алпатов 2005: 274–348]. Однако именно здесь, в ПРЖ, Бахтину удается *осуществить* тот радикальный переворот в философии языка, о котором он всего лишь заявлял в более ранних трудах.

В центре этого переворота стоит понятие высказывания (в том нарочито видоизмененном значении, которое придает этому термину Бахтин) и его определение как *единицы*.

Что такое высказывание? Первым делом – это «*реальная единица речевого общения*» [Бахтин 1996–2012 5: 167, 172], оно несет интонацию («Экспрессивная интонация – конститутивный признак высказывания» [Бахтин 1996–2012 5: 189]). Другими словами, высказывание – вид поступка. Но одновременно,

высказывание впервые становится в ПРЖ четко определенной единицей лингвистического анализа, причем единицей фундаментальной, создающей альтернативное обоснование для всей философии языка, позволяющей «правильнее понять и природу *единиц языка* (как системы) – слова и предложения» [Бахтин 1996–2012 5: 167].

Принцип, по которому обосновывается высказывание как единица не связан с грамматикой, с логическими построениями, с указанием (референцией) на действительность. На Аристотелевскую концептуализацию языка Бахтин здесь никак не опирается. Вместо всего этого первым и главным определителем высказывания, и, в частности, его границ, является *смена речевых субъектов* [Бахтин 1996–2012 5: 172] (к деталям этой формулы, особенно к термину «смена», мы еще вернемся). Это – сугубо диалогический критерий. Базисная единица бахтинского подхода к языку ориентируется исключительно на ту самую встречу меня и другого, которая находится в центре всей бахтинской философии.

Но ведь тот же принцип, определяющий границы высказывания, определяет и более детальный анализ речи. У Бахтина вообще весь человек и вся культура находятся на границах, и высказывание в этом смысле не представляет исключения. В нем Бахтин находит:

«<...> следы обращенности и влияния предвосхищаемого ответа, диалогические отклики на предшествующие чужие высказывания, ослабленные следы смены речевых субъектов, избороздившие высказывание изнутри...» [Бахтин 1996–2012 5: 205].

Другими словами, и между частями высказывания появляются диалогические отношения (есть тут и внутренний диалог между разными голосами героев, и внешний диалог с другими высказываниями, на которых стоит упоминание в приведенной цитате). Намечается полная и самостоятельная концепция языка, способная, в пределе, создать полноценное понимание слова на основе таких диалогических отношений.

Сам Бахтин, правда, более детального развития этой концепции так и не предпринял. Но в современной лингвистике и примыкающих к ней дисциплинах, мы находим некоторые попытки, даже если не всегда методологически последовательные, создать более детальный анализ языка на диалогических или межсубъективных основах.

Так, например, голоса героев, с падающей на них авторской интонацией, мы находим не только в романах, но и в повседневной речи, и устной, и письменной. Более того, такие вставные высказывания можно найти в любом грамматическом контексте, в том числе внутри отдельных предложений, фраз, даже слов. Автор главного лингвистического труда, посвященного этому феномену, Э. Паскуаль [Pascual 2014: 8], прямо соглашается с М. М. Бахтиным: базисной единицей лингвистического анализа нужно признать не предложение, а реплику диалога. Более того, при более пристальном анализе, можно обнаружить, так сказать, молчаливую позицию героя, придающую смысл грамматическим конструкциям, даже якобы простым.⁴ Можно проследить процесс

⁴ См. [Verhaagen 2005], где отрицание, как грамматическая конструкция, анализируется как двугласное слово: даже в простейшем предложении, отрицающем какое-либо суждение, мы представляем себе и позицию героя, согласного с отрицаемым суждением. Именно эту позицию героя, а не голое логическое суждение, и отрицает автор.

создания грамматических и даже лексических форм из диалога, внесенного внутрь высказывания (см. например [Geluykens 1992; Sandler 2012]). Другие исследования анализируют диалогические связи высказываний с предшествующими высказываниями, и близкими к ним по времени произношения [Du Bois 2014], и более далекими, создающими некий общий фонд интонированных фраз и фрагментов определенной языковой среды [Гаспаров 1996].

Все это создает возможность радикально заместить, сменить, Аристотелевский подход к языку. До Бахтина такой полной альтернативы, построенной полностью на других началах, никто создать не смог.

Наконец, такой диалогический анализ слова отличается от традиционного и по его методологии, и по тому, как в нем интерпретируется само понятие смысла. «Смысл» в поздних трудах Бахтина становится одним из частичных эквивалентов его раннего понятия «поступок». Смысл высказывания, да и смысл вообще, пишет Бахтин, дан в ответе [Бахтин 1996–2012 6: 409]. Поэтому, диалогический анализ высказывания не может дать нам однозначного результата. У каждого высказывания много смыслов, потому что на него есть много ответов, каждый из которых является поступком. Вся эта множественность не лишает высказывания его объективной стороны, на которой все могут согласиться, но смыслы высказывания не зависят от объективного значения, а наоборот, значение абстрагируется из множества смыслов. Высказывание всегда можно понять по-разному и проанализировать по-разному. И любое такое реальное понимание, любой обоснованный диалогический анализ, могут быть, говоря словами раннего Бахтина, не случайными и не произвольными, а ответственными.

Отрицание

Слово – одна из главных тем бахтинской мысли. О логике же такого не скажешь. Насколько нам известно, все, что Бахтин написал по вопросам логики, включая и диалектику, легко поместится на нескольких страницах. Соответственно, и реконструкция бахтинской альтернативы логике и диалектике по необходимости будет неполной, неуверенной и предположительной.

Да и есть ли у Бахтина такая альтернатива? В работе «К философии поступка» Бахтин оспаривает само место логики в философии:

«Вся современная философия вышла из рационализма и насквозь пропитана предрассудком рационализма, даже там, где старается сознательно освободиться от него, – что только логическое ясно и рационально, между тем как оно стихийно и темно вне ответственного сознания, как и всякое в себе бытие. Логическая ясность и необходимая последовательность, оторванные от единого и единственного центра ответственного сознания, – темные и стихийные силы, именно вследствие присущего логическому закону имманентной необходимости» [Бахтин 1996–2012 1: 30].

Само это развенчание логики – философски радикальный ход, но из него следует и то, что логика в обычном смысле не представляет для Бахтина большого интереса: «путь от посылки к выводу совершается свято и безгрешно, ибо на этом пути меня самого нет» [Бахтин 1996–2012 1: 23].

Правда, путем, ведущим от посылки к выводу, особенно в контексте немецкой (да и советской) философской традиции, логика не исчерпывается.

До Бахтина тут с Аристотелем успел поспорить еще и Гегель. Нас здесь особенно будет интересовать не «Наука логики», а более ранняя «Феноменология духа»,⁵ и, в частности, роль в ней *отрицания*.

Логика у Гегеля – не формальный метод построения аргументов, или раздел математики, как логика понимается в наши дни. Во времена Гегеля логика понималась первым делом как наука мысли, но для архи-идеалиста Гегеля наука мысли становится наукой обо всем. Более того, Гегель сводит всю логику к одной операции: *отрицанию* или *снятию* (*Aufhebung*). Отрицание, как известно, Гегель понимает как более сложную операцию, чем простое «нет». Более того, он понимает отрицание не просто как логическую операцию, а как принцип построения всего метафизического целого. Целое это – абсолютную идею – можно представить (используя современную научную терминологию) как четырехмерный фрактал. Оно четырехмерное в том смысле, что оно включает в себя всю историю своего развития во времени. Оно фрактально в том смысле, что оно создается путем повторного применения одной, фундаментальной для сознания как такового, операции. Именно этой операцией и является отрицание [Гегель 2000: 12–13, 15–16].⁶

Вернемся к М. М. Бахтину. Обсуждает ли он отрицание в диалектическом контексте?

Да! Причем открыто, и в одном из своих самых знаменитых трудов. Я имею в виду небольшой по объему, но крайне интересный, раздел в книге о Рабле [Бахтин 1996–2012 4(2): 439–445]. Примерно половина этого раздела занимается литературным и историческим материалом, особенно средневековой «Историей Немо» (основываясь на описании у П. Леманна [Lehmann 1922: 240–244]), а вот обрамляющее эти конкретные примеры несколько абзацев, с философской точки зрения, крайне поучительны. Да и не только с философской. Например, именно здесь впервые появляется в печати бахтинский термин «хронотоп» (остальные упоминания хронотопа у Бахтина были опубликованы позже, в основном посмертно). Как-то даже удивительно, что это место до сих пор не стало, насколько мне известно, фокусом интенсивного интереса бахтинистов.

Раздел этот Бахтин включает в шестую главу своей книги, ту самую, которая начинается с анализа подтирок Гаргантюа. Именно сюда, в район заднего прохода (на французском языке самого Рабле, этот район иногда называется *le fondement*), и помещает Бахтин (как мы увидим – закономерно) обсуждение вопросов логики, считающейся фундаментом всех наук.

Правда, в контексте книги о Рабле и о народной культуре, тема отрицания обсуждается, на первый взгляд, не сама по себе, а как элемент «системы образов Рабле», «народной художественной образности» [Бахтин 1996–2012 4(2): 439], но общефилософская тематика довольно четко просвечивает через конкретные примеры, особенно если учитывать, что *образ* – одна из базисных категорий бахтинской философии.

⁵ Г. Тиханов [Tihanov 2000: 268–277] справедливо отмечает, что бахтинское восприятие Гегеля ориентируется именно на «Феноменологию духа».

⁶ Заметим, что и в классической формальной логике из повторного применения одной логической операции, включающей в себя отрицание (то ли отрицания конъюнкции, так называемого «штриха Шеффера», то ли отрицания дизъюнкции, «стрелки Пирса»), можно вывести все остальные операции, а отсюда и всю систему логики.

Полный, «построчный» анализ этого места у Бахтина – а он мог бы быть крайне интересным – в одну недлинную статью не поместиться. Вместо этого я обращаю внимание, вкратце, на несколько тем и моментов, которых здесь касается Бахтин. А именно: 1. *Хронотопичность* отрицания. 2. Роль в нем *бранни* (и примыкающая к обсуждению отрицания тема слияния хвалы и брани). 3. *Диалектичность* такого отрицания. 4. Роль *смены* в этой диалектике.

Как уже упомянуто, Бахтин впервые познакомил своих читателей с понятием хронотопа именно в этом контексте. Отрицание, о котором идет здесь речь – «пространственно-временное хронотопическое отрицание» [Бахтин 1996–2012 4(2): 441]. Но что такое «хронотоп»? Уже у А. А. Ухтомского, из доклада которого [Ухтомский 2000: 77–80] Бахтин позаимствовал этот термин [Бахтин 1996–2012 3: 341], хронотоп – это время и пространство именно как переживаемая среда организма. Бахтинский хронотоп живет и движется не в абстрактном пространстве-времени теоретической науки, а в *сплошь-оцененном* пространстве и времени мира поступка.

В соответствии с этим, и хронотопическое отрицание «не есть отвлеченное и абсолютное отрицание [...] Оно имеет дело не с отвлеченным понятием (ведь это не логическое отрицание)» [Бахтин 1996–2012 4(2): 441] и «никогда не носит абстрактного, логического характера. Оно всегда образно, наглядно, ощутимо. За отрицанием стоит вовсе не ничто, а своего рода обратный предмет, изнанка отрицаемого предмета» [Бахтин 1996–2012 4(2): 439].

Используя, снова, более раннюю бахтинскую терминологию, в таком отрицании образ героя получает отрицающую авторскую оценивающую интонацию. Эта интонация накладывается путем пространственной и временной манипуляции над образом:

«Отрицание перестраивает образ отрицаемого предмета и прежде всего меняет пространственное положение как всего предмета, так и его частей: оно переносит весь предмет в преисподнюю, ставит в нем низ на место верха или зад на место перед, оно искажает пространственные пропорции предмета, резко преувеличивая в нем одни моменты за счет других и т. п. Отрицание и уничтожение предмета есть, таким образом, прежде всего его пространственное перемещение и перестроение. Небытие предмета есть его обратное лицо, его изнанка. И эта изнанка или низ приобретают временную окраску: они воспринимаются как прошлое, как бывшее, как не-настоящее» [Бахтин 1996–2012 4(2): 440].

Более того, Бахтин имеет в виду интонацию и в буквальном смысле слова, в данном случае, интонацию бранящую или ругающую: «*Ругательство – древнейшая форма амбивалентного образного отрицания.*» [Бахтин 1996–2012 4(2): 441]. В самом начале разбираемого раздела книги о Рабле, Бахтин связывает тему «отрицания в системе образов Рабле» с темой «слияния хвалы и брани в его слове» [Бахтин 1996–2012 4(2): 439], которой посвящены несколько следующих разделов шестой главы книги. Постольку, поскольку имеет место говорить о бахтинской «логике», хвала и брань играют в ней центральную роль.

В «Дополнениях и изменениях к “Рабле”», Бахтин объясняет эту роль так:

«Почему придаем мы такое значение категориям хвалы и брани? Они составляют древнейшую и неумирающую подоснову основного человеческого

фонда языковых образов (серьезных и смеховых мифов), интонационного и жестикуляционного фонда (обертоны индивидуализированной и экспрессивной интонации и жестикуляции), они определили основные средства изображения и выражения (начиная с материала). Они определяют топографию мира и топографическую акцентуацию, проникающую весь образный и жестикуляционный фонд (т. е. основные архитектурные формы, а не поверхностный орнамент на них) – верх, низ, зад, перед, лицо, изнанка, нутро, внешность и т. п.» [Бахтин 1996–2012 5: 84].

Другими словами, хвала и брань – базисные интонации. Они играют «роль в создании образа человека» [Бахтин 1996–2012 5: 84]. Намечается возможность опираться на категории хвалы и брани при анализе авторских интонаций вообще, как бы создать логику интонаций, где хвала и брань играют роль, условно аналогичную истинности и ложности. Конечно, точная формализация такой «логики» по Бахтину невозможна. Более того, такая формализация создала бы совершенно неправильное впечатление об интонациях и оценках как таковых. Как и в его концепции высказывания, Бахтин не приемлет атомизма, не приемлет реификации аналитического аппарата. По Бахтину, амбивалентность – т. е. слияние хвалы и брани – более фундаментальная, и исторически более древняя, интонация, чем хвала или брань в чистом виде. Именно наше современное понимание хвалы как только лишь хвалы и брани (и смеха) как чистого, абстрактно-логического отрицания и есть то, что не позволяет нам правильно понять карнавальную образность. Амбивалентность – органическое целое, а хвала и брань – моменты этого целого.

Последнее возвращает нас к диалектике Гегеля. В сноске, добавленной к тексту разбираемого нами раздела книги (относящейся к редакции рукописи в 1949–1950 гг.), Бахтин называет и (хронотопическое) отрицание, и слияние хвалы и брани, «стихийно диалектическими» явлениями, в которых «мы находим именно диалектику в образной форме» [Бахтин 1996–2012 4(2): 439]. Несомненно, использование термина «диалектика» в этом контексте принимало во внимание и «цензурные» соображения. Но все же, параллели бахтинского подхода к отрицанию с диалектикой, причем первым делом именно с ранней гегелевской диалектикой, и наглядны, и поучительны.

Во-первых, и у Гегеля, и у Бахтина отрицание не есть голое отрицание. Отрицаемое, хоть и преодолевается, но и сохраняется в отрицающем. Во-вторых, отрицание у Гегеля строит метафизическое целое его философской системы. То же самое мы найдем и у Бахтина. Но для того, чтобы понять, каким именно образом целое строится из отрицания, нам понадобится сначала обратить внимание и на то, чем бахтинское отрицание и бахтинское метафизическое целое (бытие-событие) кардинально отличаются от гегелевских.

Широко известна критика диалектики в позднейших рабочих записях М. М. Бахтина:

«Диалог и диалектика. В диалоге снимаются голоса (раздел голосов) <...>, снимаются интонации (эмоционально-личностные), из живых слов и реплик вылуциваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание – и так получается диалектика» [Бахтин 1996–2012 6: 430].

Бахтин здесь сформулировал в очень памятной образной форме свою последовательную критику Гегеля, которую мы по сути находим уже в «К философии поступка».⁷ Помимо появляющейся здесь более общей критики того, что ранний Бахтин назвал «теоретизмом» (абстрактные понятия заменяют реальную живую оценку), Бахтин критикует Гегеля первым делом за то, что он *помещает целое бытия в кругозор одного сознания*.

У Бахтина же отрицание служит «выражением для двутелого целого мира и для той игры времени, которая одновременно и уничтожает, и обновляет, *сменяет* и заменяет всякую вещь и всякий смысл» [Бахтин 1996–2012 4(2): 445] (курсив мой – С. С.). Объект хронотопического отрицания переносится в низ (в низ тела или в преисподнюю), а там, в низе тела, как Бахтин назойливо повторяет повсюду в книге о Рабле, происходит его «смена и обновление».

Этот бахтинский термин, «смена»,⁸ нам на самом деле уже знаком. Мы его уже встречали в определении границ высказывания как «смены речевых субъектов». Заметим, что сменяется именно субъект, именно индивидуальное сознание. Смена у Бахтина обозначает первым делом границу между двумя сознаниями, субъектами.⁹ Недаром смена происходит в преисподней или около детородных органов. Так же, как смена речевых субъектов в диалоге обозначает абсолютные временные границы высказывания, так смена в контексте работ карнавального цикла обозначает временные границы человеческой жизни: рождение и смерть.¹⁰ Смена у Бахтина отличается от снятия у Гегеля именно тем, что один субъект сменяется другим, и оба эти субъекта не могут без остатка поместиться в кругозор одного сознания.

Бытие-событие – метафизическое целое бахтинской философии – воспринимается в позднейших текстах Бахтина как большой *диалог*, в котором каждая жизнь, каждое сознание (каждый «свидетель и судия») играет роль высказывания-реплики, отвечающего на предыдущие такие же высказывания, предвосхищающего ответы в последующих высказываниях, сплошь сотканного из образов высказываний-героев, оцененных хвалящей и бранящей авторской интонацией, двуголосо и двутело накладывающейся на интонации этих высказываний-героев. Каждое такое высказывание имеет *смысл* (отличающийся от абстрактного значения). Этот смысл, как и создавшее его

⁷ Ср., например, [Бахтин 1996–2012 1: 20], где, правда, критика направлена шире на идеализм гегельянского типа, а сам Гегель не упоминается (см. анализ этого места в [Sandler 2024: 53]). Критика диалектики в процитированном месте из рабочих записей 1970-х гг. отличается от ранней критики первым делом использованием диалога и раздела голосов в диалоге (смены речевых субъектов) как центральной метафоры, т. е. именно тем, что она здесь связывается с обсуждаемыми в нашей статье бахтинскими философскими альтернативами.

⁸ См. посвященную этому термину статью [Sandler 2024].

⁹ Правда мы часто находим у Бахтина и «смену времен», и смену и обновление каких-либо воззрений, идей, даже вещей, но вспомним, что рассмотрение всех этих явлений у Бахтина вытекает из рассмотрения образа героя, и, действительно, именно к героям у Рабле и других авторов, Бахтин и применяет этот свой термин по преимуществу. Добавим к этому и косвенное обсуждение смены автора, которое принимает у Бахтина этическую окраску (в Бахтинской ранней архитектонике ударение тут становится на моменте я-для-другого, а не на моменте другой-для-меня). Обстоятельней об этом см. [Сандлер 2016; Sandler 2024].

¹⁰ Этот момент особо четко выражен в бахтинском анализе трагедии Шекспира «Макбет» [Бахтин 1996–2012 5: 85–86].

сознание, *сменяется*, но обновляется и возрождается, получая ответ в других высказываниях других субъектов.

Единство такого большого диалога («диалога в большом времени») частично отражается в каждом сознании, но не может уместиться без остатка ни в одном. Это единство не создается путем абстракции (сведения смысла к значению, полноты слова к слову-понятию, полноты бытия-события к объективной действительности). Это единство не дано никому, но оно нам всем *задано*: мы его *совместно создаем*, отвечая друг-другу.

Заключение

Вернемся к спору с Аристотелем. А спор выстраивается как диалог. В споре нет абстрактного и абсолютного отрицания. Споря с Аристотелем, Бахтин все же кое-что от Аристотеля сохранил, правда в глубоко видоизмененной форме.

Что именно? У Аристотеля метафизика, логика и концептуализация языка тесно связаны одна с другой, одна из другой естественно вытекают. Каждый из моментов этого философского целого получает у Бахтина радикально иное понимание, но их органическая целостность сохраняется. «Логика» («диалогика»?), построенная на принципе смены конкретизируется через бахтинское понимание слова и высказывания, и обе они вытекают из его представлений о бытии-событии и о событии бытия, которые, в свою очередь, становятся, благодаря бахтинской философии слова, конкретней и детальней, принимают форму большого диалога.

В этом истинный радикализм Бахтина как философа: возвращаясь к самим корням западной философии, он предпринял не просто их развитие, или их отвлеченное отрицание, но их смену и обновление.

Литература

- Аверинцев 1976 – *Аверинцев С. С.* Личность и талант ученого // Литературное обозрение, 1976, № 10. С. 58–61.
- Алпатов 2005 – *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Аристотель 1976–83 – *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1976–83.
- Бахтин 1996–2012 – *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в шести томах. М.: Русские словари / Языки славянских культур, 1996–2012.
- Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Гегель 2000 – *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Сандлер 2016 – *Сандлер С. В.* Тема карнавала в контексте философии М. М. Бахтина // *Studia Litterarum*, 1, № 3–4. С. 10–28.
- Ухтомский 2000 – *Ухтомский А. А.* Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.
- Chafe 1980 – *Chafe W. (ed.)* The pear stories: Cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production. Norwood, N.J.: Ablex, 1980.
- Du Bois 2014 – *Du Bois, J. W.* Towards a dialogic syntax // *Cognitive Linguistics*, 25, № 3. Pp. 359–410.

- Geluykens 1992 – *Geluykens R. From discourse process to grammatical construction: On left-dislocation in English*. Amsterdam: John Benjamins, 1992.
- Lähteenmäki 2003 – *Lähteenmäki M. On the interpretation of Bakhtin's linguistic ideas: The problem of the texts from the 1950–60s // Russian Linguistics*, 2003, 27. Pp. 23–39.
- Lehmann 1922 – *Lehmann P. J. G. Die Parodie im Mittelalter*. Munich: Drei Masken Verlag, 1922.
- Pascual 2014 – *Pascual E. Fictive interaction*. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Sandler 2012 – *Sandler S. Reenactment: An embodied cognition approach to meaning and linguistic content // Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 11. Pp. 583–598.
- Sandler 2024 – *Sandler S. On death and turn-taking in conversation: The concept of succession (smena) in Bakhtin's late philosophy // Understanding Bakhtin, understanding modernism / ed. Philippe Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. P. 51–64.*
- Searle 1969 – *Searle J. Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Szczepek Reed, Raymond 2013 – *Szczepek Reed B., Raymond G. (eds.) Units of talk – units of action*. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Tihanov 2000 – *Tihanov G. The master and the slave: Lukács, Bakhtin, and the ideas of their time*. Oxford: Clarendon Press, 2000.
- Verhagen 2005 – *Verhagen A. Constructions of intersubjectivity*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

References

- Alpatov 2005 – *Alpatov V. M. Voloshinov, Bakhtin and linguistics*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2005. In Russian.
- Aristotle 1976–83 – *Aristotle. Works in four volumes*. Moscow: Mysl', 1976–83. In Russian translation.
- Averintsev 1976 – *Averintsev S. S. The personality and talent of a scholar // Literaturnoe obozrenie*, 1976. 10. P. 58–61. In Russian.
- Bakhtin 1996–2012 – *Bakhtin M. M. Collected works in four volumes*. Moscow: Russkie slovari / Iazyki slavianskikh kul'tur, 1996–2012. In Russian.
- Chafe 1980 – *Chafe W. (ed.) The pear stories: Cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, N.J.: Ablex, 1980.
- Du Bois 2014 – *Du Bois J. W. Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics*, 25, № 3. Pp. 359–410.
- Gasparov 1996 – *Gasparov B. M. Language, memory, image*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. In Russian.
- Geluykens 1992 – *Geluykens R. From discourse process to grammatical construction: On left-dislocation in English*. Amsterdam: John Benjamins, 1992.
- Hegel 2000 – *Hegel G. W. F. Phenomenology of spirit*. Moscow: Nauka, 2000. In Russian translation.
- Lähteenmäki 2003 – *Lähteenmäki, M. On the interpretation of Bakhtin's linguistic ideas: The problem of the texts from the 1950–60s // Russian Linguistics*, 2003, 27. P. 23–39.
- Lehmann 1922 – *Lehmann P. J. G. Die Parodie im Mittelalter*. Munich: Drei Masken Verlag, 1922.
- Pascual 2014 – *Pascual E. Fictive interaction*. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Sandler 2012 – *Sandler S. Reenactment: An embodied cognition approach to meaning and linguistic content // Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 11. P. 583–598.

- Sandler 2016 – Sandler S. The place of carnival in the context of Mikhail Bakhtin's philosophy // *Studia Litterarum*, 1, 3–4. Pp. 10–28. In Russian.
- Sandler 2024 – Sandler S. On death and turn-taking in conversation: The concept of succession (smena) in Bakhtin's late philosophy // *Understanding Bakhtin, understanding modernism* / ed. Philippe Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. Pp. 51–64.
- Searle 1969 – Searle J. *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Szczepek Reed, Raymond 2013 – Szczepek Reed, B., Raymond G. (eds.) *Units of talk – units of action*. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Tihanov 2000 – Tihanov G. *The master and the slave: Lukács, Bakhtin, and the ideas of their time*. Oxford: Clarendon Press, 2000.
- Ukhtomskij 2000 – Ukhtomskij A. A. 2000. *The dominant of the soul: From the human-sciences heritage*. Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 2000. In Russian.
- Verhagen 2005 – Verhagen A. *Constructions of intersubjectivity*. Oxford: Oxford University Press, 2005.